

Ю. М. МЕЛЬНИКОВ

США И ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1939 ГОДА

«Нейтралитет» США и политика «невмешательства» Англии и Франции сыграли решающую роль в том, что фашистским державам удалось подготовить и совершить многие авантюристические, агрессивные акты. После безнаказанного захвата Италией Абиссинии и объединенной итало-германской интервенции в Испании гитлеровская Германия провела в марте 1938 г. аншлюс Австрии. В 1938—1939 гг. в результате совершенного в Мюнхене предательства жертвой фашистской агрессии и политики «умиротворения» правящих кругов США, Англии и Франции пала Чехословакия¹. Она была выдана гитлеровцам в надежде на скорое выполнение обещаний последних напасть на Советский Союз.

Однако коварные замыслы мировой реакции изолировать Советский Союз и организовать против него «крестовый поход» не достигали цели. Быстрый рост экономики и обороноспособности, укрепление морально-политического единства и международного авторитета Советского Союза, его смелая и последовательная борьба за коллективную безопасность вынуждали фашистских агрессоров к осторожности в их действиях по отношению к СССР.

В то же время гитлеровская Германия и империалистическая Япония использовали мюнхенскую политику западных держав для непрерывного расширения сферы своего влияния на международной арене, для подрыва позиций американских, английских и других монополий, для подготовки к открытой борьбе за передел мира в свою пользу.

Разрабатывая планы «тотальной», «молниеносной» войны, гитлеровцы учитывали, что США, Англия и Франция подстрекали их к крайне рискованной войне с Советским Союзом не только ради «спасения западной цивилизации от коммунистической угрозы», но и в целях ослабления Германии, снова ставшей их опаснейшим соперником в империалистической борьбе за мировое господство. Фашистские агрессоры сознавали также, что война с таким могущественным противником, как Советский Союз, может пресечь в самом начале осуществление их планов завоевания мира. Поэтому еще в конце 1938 г. правящие круги гитлеровской Германии приняли решение развязать войну против капиталистических государств Европы, а затем, поставив себе на службу военную промышленность, материальные, финансовые и людские ресурсы большинства этих стран, напасть на СССР. 21 октября Гитлер издал секретную директиву, обязывавшую германские вооруженные силы вести под-

¹ Выступая перед Комитетом по иностранным делам палаты представителей США, издатель газеты «Washington Post» Морли признал, что своим законом «о нейтралитете» США заранее сказали гитлеровской Германии: «Поскольку это касается США, она (Германия.— Ю. М.) может напасть на Чехословакию и захватить ее в любую минуту, когда только пожелает. Это нас не коснется, мы не будем возражать и, конечно, не пошевелим пальцем в знак протеста».— «Congressional Record» (далее — CR), vol. 84, pt. 7, p. 8005.

готовку к «ликвидации оставшейся части Чехословакии»², а также одновременно готовиться к ведению операций на Востоке — против Польши и на Западе — против Франции и Англии.

Укрепление военной мощи и рост захватнических притязаний фашистских агрессоров, их нежелание считаться с интересами американских монополий, обострение империалистических противоречий между США, с одной стороны, и Германией и Японией — с другой, весьма тревожили правительство Рузвельта. Полученные же в начале 1939 г. в Вашингтоне и Лондоне агентурные сведения о намерениях гитлеровской Германии начать войну на Западе вызвали подлинную панику среди правящих кругов США, Англии и Франции. На заседании американского кабинета 27 января президент и государственный секретарь единодушно выразили мнение, что «если Гитлер решит маршировать на Запад вместо Востока», то это будет иметь «серьезные последствия» для США, которые вступят «в таком случае в наиболее критический период во всей своей истории»³. По мнению Рузвельта, Гитлеру достаточно было овладеть большей частью Европы для того, чтобы оказаться в состоянии подчинить «фашистскому экономическому господству» страны Латинской Америки и причинить США большие затруднения, разрушив их торговлю как с Европой, так и с Южной Америкой. Рузвельт признал, что сами Соединенные Штаты немало помогли росту фашистской угрозы своей политикой «нейтралитета» и, в частности, наложением эмбарго на вывоз оружия в республиканскую Испанию, которое он назвал «тяжелой ошибкой»⁴. Подобное заявление президента не было случайным.

Накануне второй мировой войны отношение США к происходившим международным событиям в значительной мере определялось законодательством «о нейтралитете», выработанным государственным департаментом и принятым с рядом поправок американским конгрессом.

Действовавший к началу 1939 г. закон «о нейтралитете» предусматривал наложение в случае войны обязательного эмбарго на экспорт из США «оружия, боеприпасов и военного снаряжения» и запрещал предоставление займов воюющим государствам. В то же время этим государствам разрешалось покупать в США сырье, продовольствие и другие «невоенные» товары при условии, что перевозка закупленного будет производиться на их собственных судах, что за эти товары заплатят наличными и они будут считаться иностранной собственностью еще до того, как их вывезут за пределы США (это был так называемый пункт «cash and carry» — «плати и вези», впервые частично введенный в законодательство «о нейтралитете» в 1937 г.). За президентом оставалось право определять, существует ли «состояние войны», провозглашать момент вступления закона в силу, устанавливать список запрещенных для торговли предметов, накладывать запрет на посещение портов США судами воюющих держав и т. п.⁵

Таким образом, принятый под предлогом желания избежать вовлечения США в войны между другими государствами закон «о нейтралитете» не проводил никакой разницы между агрессорами и странами, подвергшимися нападению. Фактически он заранее оповещал, что США отказываются помогать жертвам агрессии и участвовать в совместных с другими державами действиях или санкциях против нарушителей мира.

² «Nazi Conspiracy and Aggression», in 10 vols. Washington, 1947, vol. VI, p. 947—948; см. также «Ciano's Diplomatic Papers». London, 1948, p. 242—246.

³ «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. I—III. New York, 1953—1954, vol. II, p. 568—569; см. также «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1939» (далее — FR, 1939), vol. I. Washington, 1956, p. 2—5; «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Third Series (далее — DBFP), vol. IV. London, 1951, p. 4—6.

⁴ «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. II, p. 569.

⁵ «The Record of American Diplomacy», ed. by R. I. Bartlett. New York, 1950, p. 572 и сл.

Закон «о нейтралитете» полностью исключал возможность присоединения США к системе коллективной безопасности, предложенной и отстаиваемой Советским Союзом. С другой стороны, провозглашая отказ США принимать на себя, в случае войны, какие-либо военные или экономические обязательства по отношению ко всем другим государствам (за исключением латиноамериканских), этот закон в известной мере ограничивал также деятельность и влияние американской дипломатии на международную арену. Наконец, отвечая стремлениям американского империализма своим «невмешательством» побудить фашистских агрессоров к нападению на социалистическое государство, закон «о нейтралитете» одновременно несколько сковывал инициативу монополий в наиболее прибыльной для них отрасли бизнеса — производстве и торговле оружием.

Не случайно поэтому законодательство «о нейтралитете» являлось накануне второй мировой войны одним из серьезных объектов внутриполитических споров в США. Новое обострение борьбы вокруг него в решающие дни и месяцы 1939 г. не просто совпало по времени с политическим кризисом в Европе. Оно было неразрывно связано с ним, с определением внешней политики США в условиях быстрого назревания новой мировой войны.

Президент Рузвельт, Хэлл, Гопкинс, министр финансов Моргентау, заместитель военного министра Джонсон, генерал Маршалл и многие другие государственные деятели США принадлежали к так называемым «интернационалистам», или «интервенционистам», т. е. к тем кругам американского правящего класса, которые были сторонниками самого активного вмешательства США в европейские и азиатские дела. Многие из этих деятелей непосредственно выражали интересы крупнейших американских банков и трестов, имевших значительные инвестиции в странах Восточного полушария, связанных с английским капиталом и несших большой ущерб от действий германских и японских империалистов.

Правящие круги США были готовы использовать все доступные им средства, чтобы помочь англо-французской дипломатии переубедить гитлеровцев в их решении развязать войну на Западе, доказать им «невыгодность» столкновения с западными державами и подчеркнуть «преимущества» агрессии против Советского Союза.

Вынужденные, однако, считаться с возможностью провала расчетов на войну фашистских держав с СССР, интервенционисты, составлявшие большинство в правительстве, пришли к выводу, что США необходимо использовать «все методы, исключая войну», чтобы отстоять американские интересы перед лицом быстрого роста угрозы со стороны агрессивной германо-итало-японской коалиции⁶. К таким методам они относили, в частности, оказание определенного экономического и «морального» давления на фашистские государства, усиление американской военной мощи, укрепление позиций Англии и Франции и известное сближение с ними в противовес блоку агрессоров.

В качестве одного из основных методов усиления американского влияния на международные дела правительство США собиралось использовать законодательство «о нейтралитете», добившись изменения его в сторону предоставления наибольшей свободы действий для исполнительной власти и дипломатии США.

Однако ряд обстоятельств заставил американское правительство воздержаться вплоть до мая 1939 г. от решительного выступления в конгрессе со своими предложениями о пересмотре действовавшего закона «о нейтралитете». Одним из важнейших среди этих обстоятельств было наличие в конгрессе и стране сильной изоляционистской оппозиции правительству по вопросам внешней политики.

⁶ См. «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt 1937—1940», in 4 vols. New York, 1941, 1939 volume, p. 3; C. Hull. The Memoirs, vol. I—II. New York, 1948, vol. I, p. 612.

Накануне второй мировой войны изоляционистское движение в США вдохновлялось прежде всего тесно связанными с германскими монополиями и антисоветски, профашистски настроенными группами американского финансового капитала. Для этих групп «американский изоляционизм» означал в первую очередь отказ США от участия в каких-либо коллективных мероприятиях в защиту мира, оказание под вывеской «нейтралитета» прямой помощи фашистским агрессорам в расчете, что те нападут на Советский Союз, покончат с революционным и национально-освободительным движением в Европе и Азии, подорвут позиции старых соперников США — Англии и Франции. В области внутренней политики эти же силы выступали как крайне правое крыло американской буржуазии. Они открыто противились проведению каких-либо реформ, требовали применения фашистских методов для расправы с рабочим движением и прогрессивными элементами, выступали за усиление эксплуатации трудящихся, были яркими расистами и реакционерами.

К сторонникам изоляционизма принадлежали также те деловые, промышленно-финансовые и торговые круги в США, которые не имели интересов и не «делали бизнес» за пределами США или Западного полушария. Отдельные глубинные географические районы США (например, Средний Запад) были настоящими оплотами изоляционизма и постоянно посылали в конгресс непримиримых противников вовлечения США в «грязную политику» Старого Света.

Наконец, многие из участников антивоенного движения в США накануне второй мировой войны, либеральные и пацифистские организации поддерживали изоляционистский лозунг «Удержать Америку вне войны», что по существу означало отказ от активной борьбы за сохранение мира во всем мире.

Обладая значительной материальной базой и используя в своих интересах деятельность многих сторонников неучастия США «в ссорах других стран», профашистские лидеры американского изоляционизма 30-х годов сумели создать в конгрессе, печати, различных общественных организациях довольно сильный блок, выступавший за «невмешательство» США в борьбу между агрессорами и любой их жертвой, любой другой группой государств.

Изоляционисты имели своих сторонников не только в конгрессе, но и среди руководителей внешней политики и вооруженных сил, дипломатов, членов местной и федеральной администрации США (военный министр Вудринг, посол США в Англии Кеннеди и др.). Именно поэтому они оказывали огромное влияние на формирование американской внешней политики. В том случае, если им казалось, что намечаемые кем-либо из членов правительства (встревоженных ростом германской и японской угрозы) меры противоречат их планам и интересам, они оказывали упорнейшее сопротивление проведению этих мер в жизнь. Именно по инициативе лидеров изоляционизма в конгрессе и вопреки желаниям президента Рузвельта и государственного секретаря Хэлла закон «о нейтралитете» должен был применяться обязательно ко всем воюющим странам, эмбарго на экспорт оружия должно было действовать автоматически и т. д. В случае, если изоляционистам не удавалось достичь приемлемого для них компромисса во время закулисных переговоров в госдепартаменте или Белом доме, они переносили борьбу в конгресс, разворачивали по всей стране яростную кампанию против любых предполагавшихся шагов по участию США в организации противодействия фашистским агрессорам.

Следует отметить, что борьба между интервенционистами и изоляционистами была в основном спором внутри господствующего капиталистического класса США, между двумя его фракциями, разошедшимися главным образом во мнениях относительно своевременности и желательности ориентации США на англо-французскую или германо-итало-японскую

группировку империалистических держав, по одинаково мечтавшими ~~поддержать~~ Советский Союз и разрешить за его счет противоречия, которые раздирали капиталистический мир. В то же время правящие круги США не желали считаться с требованиями широких кругов американской общественности — рабочих, фермеров, интеллигенции и др., чтобы закон «о нейтралитете» предусматривал различие между агрессором и его жертвой, чтобы монополии США перестали оказывать поддержку фашистским державам и торговать с ними, а страны, подвергшиеся неспровоцированной агрессии, имели бы возможность получить помощь от Америки и т. д.⁷

В конце января 1939 г. значительное влияние изоляционизма в США продемонстрировал неожиданный инцидент, связанный с катастрофой американского бомбардировщика нового типа, при которой погиб находившийся на борту самолета один из членов французской военной миссии. Ставшие широко известными подробности этой катастрофы позволили профашистским лидерам изоляционизма с успехом начать новую яростную кампанию против администрации Рузвельта, обвиняя ее в «выдаче американских военных тайн» Англии и Франции, в заключении «тайного союза» между США и этими странами, направленного против Германии, и т. п.

Стремясь оправдать действия правительства и убедить конгресс в правоте интервенционистов, Рузвельт пригласил 1 февраля 1939 г. в Белый дом на секретное совещание членов комиссии сената по военным делам Шепарда, Остина, Лундина, Кларка, Ная и др. и сообщил им о росте угрозы войны в Европе. Характерно, что, перечислив при этом буквально все европейские страны — от Финляндии до Англии, могущие стать жертвой агрессии гитлеровской Германии, президент не назвал среди них Советского Союза⁸. Он пытался убедить сенаторов в необходимости для США ради защиты их безопасности и собственных интересов оказать поддержку Англии и Франции. Однако единственным результатом этой встречи в Белом доме было дальнейшее усиление изоляционистской кампании за сохранение строгого «нейтралитета» США. Этому способствовало переданное в прессу кем-то из участников встречи заявление, что Рузвельт в беседе с сенаторами сказал: «Граница США находится на Рейне», или, согласно другому варианту, «во Франции»⁹.

Важнейшей причиной нежелания влиятельных империалистических кругов США вносить какие-либо изменения в закон «о нейтралитете» была их упорная вера в то, что Гитлер все-таки нападет на Советский Союз. В США непрерывно велась бешеная пропаганда, имевшая целью разжечь аппетиты германских империалистов на советские земли, подсказать Гитлеру, куда он должен направить свои армии. «Будущее продвижение Германии в любом другом направлении, кроме как на Восток или Юго-Восток, будет крайне трудным или невозможным, — пытался внушить гитлеровцам орган деловых кругов США «Annalist». — Можно предположить, что... Германия достигнет успеха в приобретении новых территорий или более широкой сферы влияния на Юго-Востоке... Англия (и, разумеется, США.— Ю. М.) приветствовала бы дальнейший прогресс Германии в этом направлении, потому что он приведет ее к более непосредственному конфликту с интересами России и может даже вызвать русско-германскую войну»¹⁰.

⁷ W. Z. Foster. History of the Communist Party of the United States. New York, 1952, p. 375—379.

⁸ J. W. Alsop, R. Kintner. American White Paper; the Story of American Diplomacy and the Second World War. New York, 1940, p. 31.

⁹ F. R. Sanborn. Design for War. A Study of Secret Power Politics 1937—1941. New York, 1951, p. 55.

¹⁰ «Annalist», 25.I.1939, p. 104.

Не только американская буржуазная пресса, но и дипломатия США активно выступала за предоставление гитлеровской Германии «свободы рук» на Востоке. В одной из своих бесед с польским послом в США графом Потоцким американский посол во Франции Буллит признал, что США заинтересованы в войне Германии с СССР. Буллит выразил надежду, что Германии удастся создать «независимое» украинское государство. В то же время, раскрывая планы интервенционистских монополистических кругов США, направленные на подрыв Германии как конкурента, Буллит заявил Потоцкому, что когда Германия окажется в результате войны с Советским Союзом достаточно ослабленной, тогда «демократические государства (так Буллит называл США, Англию и Францию.— Ю. М.) атакуют ее и вынудят к капитуляции»¹¹. В беседе с польским послом Буллит сетовал на дружеское расположение американского народа к Советскому Союзу, но одновременно заверял Потоцкого, что для него (Буллита) немислимо участие СССР в дружеской коалиции с западными державами.

Вскоре после полной оккупации гитлеровцами Чехословакии поверенный в делах США в Берлине Гейст сообщил в Вашингтон, что «вооруженный захват Богемии и Моравии, наряду с низведением Словакии к полностью зависимому от рейха положению, лучше всего может быть объяснен стремлением установить не только дипломатический, но и военный контроль над этими областями, прежде чем пачать давление на Восток германской силы, гражданской или, если понадобится, военной. Внезапное нападение на Мемель... указывает на ту же самую цель»¹². Приходя к выводу, что «в настоящее время Германия рассматривает Восточную Европу в качестве первоочередного объекта своей экспансии», Гейст призывал правящие круги США, Англии и Франции, чтобы они «не ожесточили своим вмешательством тех, кто контролирует политику Германии», и не побудили их «вступить в конфликт с Западом прежде, чем осуществится их экспансия на Восток... Если германским силам,— цинично излагал расчеты американской дипломатии Гейст,— будет предоставлена полная свобода экспансии на Восток, где по крайней мере они не затронут никакой цивилизации, которая была бы выше их собственной, и где они могут экономически насытиться, то они будут постепенно рассеиваться или будут нейтрализованы возникновением внутренних проблем в поспешно организованной империи чуждых им народов (!)»¹³.

Еще на первом этапе англо-франко-советских переговоров в конце марта 1939 г. американская дипломатия самым определенным образом высказалась против организации в Европе действенной и всеобъемлющей системы коллективной безопасности, стремясь предоставить фашистским агрессорам «свободу рук» на Востоке, изолировать СССР.

В ходе переговоров с премьер-министром Франции Даладье 18—20 марта 1939 г. американский посол в Париже Буллит отрицательно отнесся к желанию виднейшего французского политического деятеля, председателя палаты депутатов Эдуарда Эррио поехать в Москву для заключения военного соглашения с СССР. Выразив «сомнение» в успехе такой поездки, Буллит посоветовал Даладье послать вместе с Эррио в Москву и другого, менее доброжелательно настроенного по отношению к Советскому Союзу деятеля. Буллит многозначительно заявил также, что, по его мнению, «крайне маловероятно, чтобы Польша или Румыния приняли советскую помощь в случае войны»¹⁴.

В своей беседе с министром иностранных дел Великобритании Галифаксом 23 марта 1939 г. американский посол в Лондоне Кеннеди, касаясь

¹¹ A. Halfelt. USA greift in die Welt. Hamburg, 1941, S. 103.

¹² FR, 1939, vol. I, p. 108.

¹³ Ibid., p. 108—110.

¹⁴ W. L. Langer, S. E. Gleason. The Challenge to Isolation. New York, 1953, p. 70.

только что начавшихся англо-польских и англо-франко-советских переговоров, заявил, что, как ему кажется, эти переговоры «не смогут удовлетворить ни Францию, ни Англию, и они тогда сочтут необходимым умыть свои руки по отношению ко всей Юго-Восточной Европе»¹⁵. Кеннеди полностью одобрил высказывание Галифакса о том, что Англии не стоит стремиться к соглашению с Россией о взаимопомощи, несмотря на быстрый и положительный ответ Советского Союза на английское предложение о подписании Декларации четырех держав (Англии, Франции, СССР и Польши) против агрессии.

Таким образом, еще весной 1939 г. послы США в Англии и Франции поспешили поддержать двуличную линию правительств Чемберлена и Даладе в переговорах с Советским Союзом.

1 мая 1939 г. Кеннеди с удовлетворением доносил в Вашингтон, что в своей политике английское правительство руководствуется следующими основными соображениями: а) не упустить шанс получить помощь от Советского Союза и в то же время б) не затронуть «чувствительность» панской Польши и Румынии, не желавших участвовать в каком-либо соглашении с СССР о совместных действиях против фашистских агрессоров; в) не потерять симпатии «антикоммунистически» настроенных кругов; г) не подвергать опасности Англию «провоцированием (!) насильственных действий со стороны Германии»¹⁶.

Действуя в соответствии с этими «соображениями», сообщал далее Кеннеди, английское правительство собирается добиваться от Советского Союза односторонней декларации о том, что, в случае вовлечения Англии и Франции в войну в результате выполнения данных ими ряду стран гарантий, СССР готов будет оказать им помощь, если его попросят об этом, причем в той форме, в какой это будет приемлемо для правительств Англии и Франции¹⁷.

5 мая 1939 г. Буллит сообщил президенту и государственному секретарю, что он летал из Парижа в Лондон для того, чтобы согласовать и сделать более гибкой политику английского и французского правительства в отношении СССР. Задачей этой очередной «миссии Буллита» было убедить правящие круги Англии и Франции держать наготове для отправки в Москву, сразу же после отклонения Советским Союзом английских предложений, французские, предусматривавшие автоматически действующие взаимные гарантии военной поддержки Советского Союза, Франции и Англии, но лишь на случай вовлечения кого-либо из них в войну, в результате предоставления помощи только Польше или Румынии¹⁸. Буллит рассчитывал, что Советскому Союзу труднее будет тогда разгадать подлинные цели, преследуемые английскими и французскими правящими кругами в ходе Московских переговоров, и благодаря этому Советский Союз или попадет в подготавливаемую ему ловушку, или, во всяком случае, позволит западной дипломатии обманывать его в течение длительного времени.

Весьма серьезным обстоятельством, тормозившим до мая 1939 г. наступление американского правительства в пользу изменения закона «о нейтралитете», явилось также весьма двусмысленное поведение правительства Чемберлена, пытавшегося стовориться с гитлеровцами не только о предоставлении им полной «свободы рук» на Востоке, но и о сотрудничестве на мировых рынках в прямой ущерб монополиям США. Поддерживая полностью антисоветскую направленность внешней политики правящих кругов Англии и Франции, американское правительство с крайним недовольством восприняло проявившиеся в ней в конце 1938 —

¹⁵ FR, 1939, vol. I, p. 99.

¹⁶ Ibid., p. 245.

¹⁷ Ibid., p. 245—246.

¹⁸ Ibid., p. 248—250.

начале 1939 г. тенденции к сговору с Германией за счет не только СССР, но и США. Особенно тревожили его сообщения о возможном заключении нового торгового договора между Англией и Германией и о достигнутом в Дюссельдорфе соглашении между главными конкурентами американских трестов — британскими и германскими монополиями — о сотрудничестве и разделе между ними европейских и мировых рынков. 22 марта 1939 г. и. о. государственного секретаря США Самнер Уэллес информировал Кеннеди, что текст Дюссельдорфского соглашения не дает Вашингтону «никаких оснований для восторженного одобрения»¹⁹.

Среди правящих кругов США широко распространилось убеждение, что «Англия может заключить мир с Гитлером, предложив предоставить ему свободу рук в Южной Америке. Это, конечно, серьезно затронуло бы нас (США.— Ю. М.), но в конце концов соответствовало бы внешней политике Великобритании в последние годы»²⁰.

Только получив сведения о намерении Германии напасть вначале на Польшу, Францию и Англию²¹, а также узнав о разрыве Дюссельдорфского соглашения и англо-германских торговых переговоров, правящие круги США решились, наконец, прислушаться к бесконечным заверениям о «дружбе» и просьбам английского и французского правительств об изменении в их пользу закона «о нейтралитете»²².

Правительство Рузвельта было готово предоставить Англии и Франции, в случае их войны с Германией, полную возможность (разумеется, небескорыстно) пользоваться американскими ресурсами. Оно понимало, что Англия и Франция значительно отстали от фашистских держав в подготовке к войне и что американский закон «о нейтралитете», предусматривающий эмбарго на продажу оружия воюющим державам, оказывается теперь, после временного отказа Гитлера от войны против СССР, направленным в первую очередь против капиталистических стран Западной Европы.

К маю 1939 г. наиболее информированная часть правящих кругов США окончательно склонилась к мысли, что срочное изменение закона «о нейтралитете» необходимо для наилучшей защиты американских интересов в создавшейся обстановке и что, несмотря на оппозицию изоляционистов, нужно попытаться добиться от конгресса такого изменения. «Существующий закон о нейтралитете,— писал известный американский буржуазный журналист Липпман,— ставит США в самое затруднительное положение. Он дает возможность Гитлеру путем простой декларации об объявлении войны или путем организации переворота прекратить нашу торговлю многочисленными товарами, устранить наше судоходство, решить, где американцы могут передвигаться, и дезорганизовать финансовую базу нашей внешней торговли... Никогда,— признавал Липпман,— страна, исповедующая мир, не выставляла такую приманку для агрессора, никогда она не назначала такой премии за развязывание войны»²³.

Весьма характерно, что Липпман, отражавший взгляды интервенционистов, громко заговорил о крайне благоприятном для агрессоров характере существующего законодательства «о нейтралитете» лишь тогда, когда возникло предположение, что Гитлер вместо похода на Восток повернет на Запад. До тех же пор, пока гитлеровская агрессия развивалась на

¹⁹ FR, 1939, vol. I, p. 76.

²⁰ «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. II, p. 634.

²¹ Необходимо отметить, что накануне второй мировой войны «едва ли какое-либо другое иностранное правительство получало столько же секретной внешнеполитической информации, как американское правительство».— W. L. Langer. S. E. Gleason. The Challenge to Isolation, p. 125.

²² C. Hull. The Memoirs, vol. I, p. 646—647; FR, 1939, vol. I, p. 127, 184—185, 243 и др.

²³ CR, vol. 84, pt. 15, p. 2775.

Восток и пока были надежды на скорое развязывание германо-советской войны, правящие круги США особенно не беспокоились о том, чтобы пересмотреть свою политику строгого «нейтралитета».

Следует также подчеркнуть, что никакое изменение закона «о нейтралитете» летом 1939 г. не могло воспрепятствовать развязыванию второй мировой войны. Известный американский финансист Бернард Барух в апреле 1939 г. прямо признавал, что даже самое сильное экономическое давление со стороны США вряд ли уже сможет «предотвратить войну в Европе, если она предпринята агрессорами»²⁴. Лишь создание всеобъемлющей системы коллективной безопасности, которую отстаивал Советский Союз, и установление взаимного боевого содружества СССР, Англии, Франции, США и других стран способно было бы еще обуздать фашистских агрессоров и уменьшить масштабы надвигающейся на человечество катастрофы. Однако империалистические круги США не желали такого действительно коренного поворота событий, поскольку он означал бы провал их планов вовлечения СССР и гитлеровской Германии во взаиморазрушительную войну.

19 мая 1939 г. президент Рузвельт пригласил к себе в Белый дом лидеров демократической и республиканской партий в американском конгрессе и заявил конгрессменам, что он настаивает на отмене эмбарго на экспорт оружия, поскольку только это может еще «предотвратить» войну (на Западе.— Ю. М.) или сделать менее вероятной победу для «держав, недружественных США», т. е. для Германии и ее союзника Италии²⁵.

Вслед за выступлением Рузвельта государственный секретарь США Хэлл направил председателям комиссий по иностранным делам сената и палаты представителей письмо, в котором прямо указал, что существующее законодательство является весьма негибким и опасным для самих США. Хэлл подтвердил, что торговля оружием должна явиться важным средством для успешного проведения внешнеполитического курса США, для противодействия безграничной экспансии держав оси и для распространения влияния США на другие страны. Важнейшие рекомендации, содержащиеся в письме Хэлла, состояли в отмене эмбарго и распространении принципа «cash and carry» на экспорт оружия и военного снаряжения, в предоставлении правительству США права определять границы зон военных действий, куда не могли заходить американские суда, в разрешении предоставлять займы воюющим странам и др.²⁶

Хэлл сознавал, что изоляционистская оппозиция в конгрессе не допустит предоставления широких полномочий президенту в применении отдельных положений закона «о нейтралитете». Поэтому он ограничился в своем письме выдвиганием таких предложений, которые, хотя они и должны были применяться в равной степени ко всем странам, факти-

²⁴ «Commercial and Financial Chronicle», 8.IV.1939, p. 2009.

²⁵ На основании имевшейся у него информации Рузвельт постарался разъяснить членам конгресса, что при возникновении войны между англо-французским и германо-итальянским блоками «имеются по крайней мере равные шансы на то, что Германия и Италия могут выиграть войну. В таком случае их первым шагом будет или захват британского флота, или вывод его из строя. Затем они упрочили бы торговые отношения с Латинской Америкой, послали бы туда инструкторов в армии и т. д... В очень короткое время,— продолжал президент,— мы оказались бы окруженными враждебными государствами». Далее Рузвельт указал, что победа Германии и Италии над Англией и Францией привела бы к росту агрессивных устремлений Японии, к укреплению ее союза с Германией и Италией, к объединению военно-морских сил трех агрессивных государств и создала бы для последних искушение «попытаться организовать другую быструю войну с нами в том случае, если мы станем сопротивляться их проникновению в Южную Америку». Президент заверил также конгрессменов в том, что он не собирается вовлекать США в войну и посылать американские войска в Европу.— W. L. Langer, S. E. Gleason. The Challenge to Isolation, p. 138—139.

²⁶ C. Hull. The Memoirs, vol. I, p. 644—645.

чески были выгодны почти исключительно Англии и Франции. В самом деле, только эти две дружественные США державы могли бы пользоваться на основе принципа «cash and carry» полным доступом к материальным и финансовым ресурсам Америки в случае войны в Европе, поскольку именно их флот господствовал в Атлантике.

В соответствии с предложениями государственного департамента конгрессмен-демократ Блюм составил новый вариант законопроекта «о нейтралитете» и внес его 29 мая на рассмотрение конгресса США. Однако с самого же начала этот законопроект натолкнулся на упорное сопротивление со стороны многих членов конгресса. В результате этого вокруг вопроса об изменении закона «о нейтралитете» весной и летом 1939 г. разгорелся ожесточенный спор.

В поддержку предложения правительства об отмене эмбарго на экспорт из США оружия выступили прежде всего многие демократы и некоторые другие конгрессмены, представлявшие наиболее заинтересованные в союзе с Англией и Францией экономические и политические группировки в США. Так, конгрессмен Пирс от штата Орегон заявил 29 июня, что действующий закон «о нейтралитете» представляет собой «серьезное поощрение для агрессивных государств, а именно Германии, Италии и Японии». Пирс подчеркнул, что лишь предоставление Англии и Франции полного доступа к военной продукции американских предприятий может еще заставить подумать Гитлера и Муссолини, прежде чем напасть на них²⁷.

Обычно выступавшая против внешнеполитического курса Рузвельта газета «New York Herald Tribune» на этот раз писала, что существующее законодательство с его обязательным и строгим эмбарго на вывоз оружия может вовлечь США в войну и что оно мешает «американскому правительству охранять интересы США»²⁸.

Некоторые сторонники законопроекта Блюма не скрывали, что они действуют прежде всего по чисто экономическим мотивам. Конгрессмен Аллен прямо обвинял защитников эмбарго в том, что они занимают дискриминацией американских промышленников, настаивая на запрещении экспорта вооружений и защищая одновременно политику свободного вывоза сырья, стали и чугуна, из которых иностранные фабрики делают оружие. Нераспространение принципа «cash and carry» на вывоз оружия ведет, заявил Аллен, к тому, что «американская промышленность теряет этот бизнес, не получая морального удовлетворения и не продвигая ни на один дюйм дело нейтралитета»²⁹.

Мало кто из выступавших в это время в конгрессе, в крупных буржуазных газетах и в деловых кругах в защиту законопроекта Блюма упоминал, однако, о Советском Союзе, о желательности присоединения США к общему фронту борьбы против фашистской агрессии, который пытался создать СССР, и о необходимости оказать помощь советскому народу в случае нападения на него гитлеровской Германии. Наоборот, во многих выступлениях, подобных выступлению конгрессмена Пирса, подчеркивалось, что намерение США поддержать Англию и Францию вооружением и военными материалами является не средством предотвращения войны вообще, а лишь попыткой помешать Гитлеру напасть именно на эти, дружественные США, державы в Европе.

Ожесточенная борьба вокруг законопроекта Блюма, развернувшаяся в конгрессе и в стране и продолжавшаяся в течение полутора месяцев, окончилась победой противников правительства — республиканцев-изоляционистов, которых поддержали в данном вопросе более широкие, чем обычно, круги конгресса и делового мира США.

²⁷ CR, vol. 84, pt. 8, p. 8277—8278.

²⁸ «New York Herald Tribune», 18.VI.1939.

²⁹ CR, vol. 84, pt. 7, p. 8010.

Бернард Барух довольно ясно изложил в сенатской комиссии по иностранным отношениям взгляды тех монополистических групп, которые считали, что США на первых порах выгодно избежать участия в войне и поэтому им не следует в данный момент слишком активно вмешиваться в европейские дела и занимать открыто антигерманскую позицию. «Я... сомневаюсь в том, — заявил Барух, — что мы должны принять участие в любой европейской войне... Я осмеливаюсь верить, что наша страна или наше полушарие могут избежать вовлечения в европейский конфликт»³⁰.

Выступление Баруха свидетельствовало, что даже многие сторонники сближения США с Англией и Францией и открытые противники германского империализма считали, что для США еще не пришло время принять непосредственное участие в борьбе капиталистических держав за новый передел мира, поскольку это поставило бы Соединенные Штаты в невыгодное положение и позволило бы Англии и Франции, в случае возникновения войны на Западе, ради их собственных интересов втянуть США в конфликт с державами оси. Поддерживавший долгое время внешнюю политику Рузвельта республиканский кандидат на президентских выборах 1936 г. Лэндон также упрекал его теперь в том, что он «отказался от политики нейтралитета для США». «Рузвельт, — по словам Лэндона, — не подходит беспристрастно к событиям в Европе. Он стал на определенную сторону — фактически он почти преуспел в том, чтобы сделать главным представителем одной стороны. Этим он ослабил свои позиции и позиции США в роли посредника»³¹. Лэндон решительно высказался также за то, чтобы США предприняли новые попытки уладить разногласия среди капиталистических государств Европы. Однако, по его мнению, и в случае мира и в случае войны США должны сохранить для себя полную свободу действий.

Энергично боролись против изменения закона «о нейтралитете» конгрессмены, представлявшие внутренние штаты США. Выступая 29 июля, сенатор Най заявил, что он не видит оснований для выступления США на стороне Англии и Франции. Най, кроме того, откровенно выразил мнение, что Советский Союз будет вовлечен в войну и что американцы не должны брать на свои плечи ту «военную тяжесть, которая в противном случае выпадет России»³².

Однако главной силой в развернувшейся в США кампании против какого-либо нового изменения закона «о нейтралитете» выступили открытые реакционеры-изоляционисты профашистского толка, такие, как Гамильтон Фиш, Ванденберг и др. Они полагали, что без ущерба и без угрозы для своих собственных интересов США могут признать господство Германии в Европе, сохранив за собой преобладающие позиции в Западном полушарии. Классовая ненависть к Советскому государству, профашистские симпатии и тесные связи с германскими монополиями, а также резкие противоречия стоявших за ними групп американского финансового капитала с их английскими конкурентами давно сделали этих людей яркими поборникамиговора между США и Германией. Они считали желательной победоносную войну Гитлера и против СССР и против Англии, которая, по их мнению, оставалась главным соперником США на мировой арене и против сближения с которой они ожесточенно боролись.

27 июня конгрессмен Лудлоу (штат Индиана) обрушился на законопроект Блюма, как на билль, который «превратит Америку в арсенал, склад и источники снабжения для Англии в любой войне, в которую она и ее широко раскинувшиеся владения и ее союзники могут пожелать

³⁰ «Commercial and Financial Chronicle» 8.IV.1939, p. 2009.

³¹ CR, vol. 84, pt. 12, p. 1850.

³² Ibid., pt. 10, p. 10401.

вступить в любое время в будущем, потому что Англия и ее союзник Франция контролируют моря и могут прийти и получить свои запасы, в то время как другие страны не могли бы сделать этого»³³.

Одним из главных представителей сил оппозиции правительству был экс-президент США Герберт Гувер. В своих многочисленных выступлениях он довольно подробно изложил программу прогитлеровски настроенных кругов финансового капитала США. Весьма характерно, что при этом Гувер отнюдь не выступал за полную «изоляцию» США и за отказ от охраны империалистических интересов американских монополий далеко за пределами своей собственной страны. «США не могут проводить на мировой арене политику изоляции...», — писал он. — Мы слишком во многом заинтересованы... Доктрина Монро, требующая с нашей стороны защищать Южную Америку против любого вторжения из Старого Света, сама по себе является отрицанием всякой политики изоляции»³⁴.

Гувер вовсе не выступал также за немедленное прекращение продажи самолетов и других военных материалов Англии и Франции. Он требовал лишь того, чтобы США не присоединялись и не оказывали никакой помощи англо-французской коалиции против германо-итальянской в случае войны между ними (которую он, однако, считал маловероятной, по-прежнему рассчитывая, что Гитлер начнет войну на Востоке против СССР). По мнению Гувера, для интересов американского капитала важно было лишь, чтобы другие державы взаимно ослабили друг друга. «Ни один из компетентных обозревателей не верит, — заявил Гувер, объясняя, почему, по его мнению, США не должны бояться держав оси, — что диктаторские страны, поодиночке или в союзе, смогли бы успешно атаковать Западное полушарие, даже если бы они решились попробовать сделать это... Они будут гораздо слабее после следующей войны, чем сегодня, каков бы ни был ее исход»³⁵.

Гувер откровенно раскрыл один из основных мотивов, которым руководствовались американские профашисты, выступая против изменения закона «о нейтралитете». «Те, кто предлагает даже не оформленный союз с Англией и Францией, должны объяснить... как они собираются избежать переплетения с союзом между Францией и коммунистической Россией»³⁶.

Страх перед возможностью совместных действий с Советским Союзом против фашистских агрессоров лежал в основе выступлений многих членов американского конгресса и других воинствующих реакционеров в стране, высказывавшихся в период мая — июля 1939 г. против отмены эмбарго и распространения принципа «cash and carry» на вывоз оружия. Они опасались, что правящие круги Англии и Франции, вынужденные под давлением своих народов вступить в переговоры с СССР, могут в конце концов заключить союз с социалистическим государством и что в таком случае помощь США Англии и Франции будет означать поддержку англо-франко-советской коалиции против фашистских агрессоров, будет означать фактическое сотрудничество США и СССР в борьбе за мир и демократию. «Россия соединена союзом с Францией, — заявил 28 июня 1939 г. в конгрессе представитель штата Массачусетс Тинкхэм, — а Франция — союзник Англии, и теперь кажется весьма вероятным, что Россия станет прямым союзником Англии... США не будут сражаться за демократию совместно с Россией, союзником Англии и Франции... Если Россия будет в союзе с Англией, а Англия контролирует моря, тогда русские корабли смогут приходить сюда и получать военные припасы в том слу-

³³ CR, vol. 84, pt. 7, p. 8017.

³⁴ Ibid., pt. 12, p. 1347.

³⁵ Ibid., p. 1348.

³⁶ Ibidem.

чае. если вы отмените полезный пункт в существующем законе о нейтралитете, который запрещает вывоз таких припасов»³⁷.

Однако опасения американских реакционеров в тот период относительно того, что правящие круги Англии и Франции всерьез собираются заключить соглашение с Советским Союзом, были напрасными. И именно американское правительство, видевшее в отмене запрета на экспорт оружия один из возможных методов воздействия на Гитлера, для того чтобы заставить его все-таки начать войну против Советского Союза, было лучше чем кто-либо информировано о подлинной позиции правящих кругов Англии и Франции по отношению к переговорам с СССР.

Нежелание большинства членов американского конгресса, влиятельных деловых и военных кругов, чтобы США еще до начала войны сделали новый открытый шаг в сторону сближения с Англией и Францией и ухудшения отношений с гитлеровской Германией, помешало правительству США добиться желаемого им изменения закона «о нейтралитете». Несмотря на все усилия правительства, 11 июля 1939 г. комиссия сената по иностранным отношениям 12 голосами против 11 постановила отложить дальнейшее рассмотрение всего законодательства «о нейтралитете» до следующей сессии конгресса в январе 1940 г.

Не желая примириться с понесенным поражением, Хэлл опубликовал 14 июля новое обращение к конгрессу, поддержанное специальным сопроводительным письмом Рузвельта. В этом обращении государственный секретарь США, стремясь побудить сенаторов пересмотреть их решение, вынужден был дать убийственную характеристику того самого закона «о нейтралитете», который лежал в основе всей американской внешней политики накануне второй мировой войны. «Эмбарго на экспорт оружия,— писал Хэлл,— играет на руку тем государствам, которые идут впереди в развитии своей боевой силы (т. е. на руку агрессорам.— *Ю. М.*). Оно направлено непосредственно против интересов миролюбивых наций... Оно означает, что если какая-либо страна склонна к завоеваниям и направляет свою энергию и ресурсы на то, чтобы утвердить себя в качестве высшей военной силы, то эта страна может быть еще более побуждаема к испытанию фортуны войны, когда она знает, что ее менее подготовленные противники будут к тому же отрезаны от тех предметов снабжения, которые по условиям любого параграфа международного права они могут покупать во всех нейтральных странах, включая Соединенные Штаты»³⁸.

Откровенные признания Хэлла не оказали, однако, никакого воздействия на лидеров сената США, которые и без него прекрасно знали, что главный смысл закона «о нейтралитете» состоял в гарантировании агрессорам «невмешательства» США. 18 июля на совещании в Белом доме лидеры демократов и республиканцев в сенате Бэркли и Остин подтвердили Рузвельту и Хэллу, что нет никаких шансов на изменение в данный момент конгрессом закона «о нейтралитете».

Таким образом, официальная, отраженная в законодательстве «о нейтралитете» позиция США в 1939 г. до конца оставалась благоприятной фашистским агрессорам и содействовала развязыванию второй мировой войны.

Неудача попытки правительства США изменить закон «о нейтралитете» для консолидации позиций англо-франко-американской империалистической группировки, для защиты интересов США от посягательств гитлеровской Германии и подталкивания ее к нападению на Советский Союз не означала, однако, что во время и после дебатов в конгрессе по законопроекту Блюма правящие круги США не использовали для достижения этих же целей многих других «методов, исключая войну».

³⁷ CR, vol. 84, pt. 8, p. 8161.

³⁸ C. Hull. The Memoirs, vol. I, p. 648—649.

Чем напряженнее становилась международная обстановка накануне второй мировой войны, тем лихорадочнее стремились США усилить свой военно-промышленный потенциал, армию, флот и авиацию. Наращивание американских вооружений, хотя и было направлено в первую очередь против агрессивных фашистских держав, не служило, однако, в решающие месяцы 1939 г. делу мира, поскольку оно не только не сочеталось, а, наоборот, прямо противопоставлялось участию США, совместно с СССР и другими державами, в создании системы коллективной безопасности. Орган американских банкиров «Commercial and Financial Chronicle», рассуждая о необходимости для США «вооружаться» и «подготовиться к мобилизации своей промышленности на случай войны», откровенно писал: «Если, например, Германия вовлечет в свою орбиту четыре или пять небольших государств и будет господствовать над значительным районом у Черного моря (!), то это будет иметь очень маленькое политическое значение для США... Но если в ходе войны рынки для американских товаров окажутся закрытыми и американские промышленники лишатся доступа к важным источникам сырья, общественное мнение (?) потребует охраны американских интересов»³⁹.

В начале мая 1939 г. комиссия палаты представителей одобрила законопроект об ассигновании 770 млн. долл. на строительство 2 новых линкоров, 2 крейсеров, 8 подводных лодок, 8 эсминцев и около 500 самолетов военно-морской авиации. Выступавший на заседаниях комиссии командующий военно-морскими силами Леги подчеркнул, что США должны форсировать строительство своего флота ввиду роста территориальных притязаний Германии в Европе, проникновения ее в Латинскую Америку и возможности заключения пактов военного характера между Германией и другими странами⁴⁰.

Особенно лихорадочными темпами развертывалось в США строительство военно-воздушного флота. Еще в феврале 1938 г. бывший тогда начальником штаба ВВС генерал Вестовер считал, что 2320 самолетов «достаточно для национальной обороны» США. Однако уже через несколько месяцев новый командующий ВВС генерал Арнольд увеличил эту цифру до 7—12 тыс.⁴¹, а затем она возросла до 20 тыс.⁴². В 1938—1939 гг. производство самолетов непрерывно возрастало. Большое количество боевых машин поставлялось ежемесячно Англии и Франции⁴³. Журнал «Annalist» откровенно признавал, что именно «военный бизнес является основой нашей [американской] авиационной промышленности» и что «всемирная гонка вооружений плюс щедрость нынешнего правительства в Вашингтоне сулят хорошие перспективы предпринимателям»⁴⁴.

Быстрое развитие предвоенного кризиса в Европе и стремление многих американских монополий как можно скорее получить новые военные заказы побуждали правительство всемерно форсировать рост расходов на вооружение. В конце июня 1939 г., когда палата представителей обсуждала предложенную президентом программу новых военных ассигнований, выяснилось, что запрошенная в спешке на «нужды армии» сумма в 525 млн. долл. была определена даже без согласования с военным департаментом США, который узнал о ней лишь во время ее обсуждения в конгрессе. Раскрывший подробности этой неприглядной истории член бюджетного подкомитета палаты представителей Энжел не без иронии заметил, что «наиболее изумительной чертой его (предложенного законопроекта.— Ю. М.) является то, что президент сперва решает.

³⁹ «Commercial and Financial Chronicle», 22.X.1938, p. 2449.

⁴⁰ «Правда», 6.V.1939.

⁴¹ CR, vol. 84, pt. 7, p. 7645.

⁴² W. L. Langer, S. E. Gleason. The Challenge to Isolation. p. 38.

⁴³ B. Rauch. Roosevelt from Munich to Pearle-Harbor. New York, 1951, p. 112: CR, vol. 84, pt. 7, p. 7647.

⁴⁴ «Annalist», 15.III.1938, p. 652.

сколько он намерен истратить, а затем уже запрашивает военный департамент, каким образом тот будет тратить ассигнованные средства»⁴⁵

Еще к маю 1939 г. американским железнодорожным компаниям и торговому флоту было предложено увеличить соответственно свой подвижной состав и морской тоннаж до размеров, достаточных для удовлетворения «нужд войны»⁴⁶. В стране создавались запасы стратегического сырья для обеспечения расширенного военного производства, подготавливалось установление необходимого контроля над финансами и биржей в момент начала «большой» войны⁴⁷. В начале августа в США был создан комитет по военным ресурсам во главе с председателем правления «Юнайтед Стейтс стил» Эдуардом Стеттиниусом. Неотложной задачей этого комитета была подготовка конкретных мероприятий по осуществлению разработанного военным министерством США, совместно с представителями американских монополий, так называемого «плана промышленной мобилизации», предусматривавшего перевод всей экономики США на военные рельсы. «США снова создают военную машину...», — писал летом 1939 г. внешнеполитический журнал американской буржуазии «Foreign Affairs». — Сейчас, в мирное время, правительство утверждает планы использования всех своих людских и материальных ресурсов и моральной силы для поддержки вооруженных сил на случай, если оно будет вовлечено в новую большую войну»⁴⁸.

Не удивительно, что еще до начала второй мировой войны США заняли по строительству военно-морского и военно-воздушного флота и по экспорту оружия одно из ведущих мест среди капиталистических государств. Военные расходы США являлись одними из наиболее крупных в мире. Если еще в 1938 г. ежемесячные военные ассигнования правительства составляли 81 млн. долл., то в первом полугодии 1939 г. они возросли до 89,5 млн. После же того, как конгресс почти единогласно утвердил предложенный Рузвельтом двухмиллиардный военный бюджет 1939/40 г., произошло новое резкое увеличение военных расходов США, которые в июле 1939 г. составили уже 109,3 млн., а в августе — 124 млн. долл.⁴⁹

Проводя в срочном порядке мероприятия по подготовке США к войне, американские правящие круги исходили из неизбежности ее скорого наступления. Все эти мероприятия были направлены не на предотвращение угрозы нового мирового конфликта, а на обеспечение в ходе его империалистических, экономических и военно-политических интересов американского капитала. Они лишь способствовали ускорению и расширению масштабов гонки вооружений в капиталистических странах и открытого столкновения их в борьбе за мировое господство. «Никто не заставит меня поверить, — говорил сенатор Фрейцир, — что ассигнование миллиардов долларов на строительство линкоров... производится ради мира, а не для войны. Мы готовимся к войне»⁵⁰.

О том, что военная и внешняя политика правящих кругов США не имела ничего общего с интересами мира и безопасности народов, свидетельствовали и неустанные усилия США, направленные на развязывание войны против Советского Союза. Дипломатия США принимала активное участие в провокационных интригах правящих кругов Англии и Франции на всем протяжении Московских переговоров летом 1939 г. Послы США в Лондоне, Париже, Варшаве, Риме не переставали давать всяческие «советы» правительствам, при которых они были аккредитованы, с готовностью действовали как «посредники», выступали надежными соучастниками и вдохновителями всей предательской по отноше-

⁴⁵ CR, vol. 84, pt. 7, p. 7645.

⁴⁶ F. R. Sanborn. Design for War, p. 70, 84.

⁴⁷ J. W. Alsop, R. Kintner. American White Paper, p. 47—48.

⁴⁸ «Foreign Affairs». July 1939, p. 686.

⁴⁹ «Annalist», 24.VIII.1939, p. 233.

⁵⁰ CR, vol. 84, pt. I, p. 376.

нию к СССР, Польше и другим странам политики правящих кругов Англии и Франции. И это не в силах скрыть никакие подделки и бесчисленные пропуски с пометками «не напечатано» или «публикуется в отрывках», имеющиеся в документах американской и английской внешней политики за 1939 г.

Не случайно виднейшие английские и французские государственные деятели позволяли себе быть наиболее откровенными относительно своих антисоветских планов и расчетов именно в беседах с представителями США. Так, 30 мая 1939 г. один из руководителей министерства иностранных дел Франции Антуан Роше подтвердил Буллиту, что, составляя свои очередные предложения Советскому Союзу, Англия и Франция оставили себе удобную лазейку для отказа прийти ему на помощь. «Если, например, Латвия или Эстония, — говорил Роше, — будут атакованы Германией и не станут защищаться или воздержатся от обращения за помощью к России... тогда обязательства взаимной помощи не войдут в силу»⁵¹. Со своей стороны Буллит в беседе с английским послом в Париже Фишсом 6 июня 1939 г. посоветовал англичанам «не спешить с ответом на последние советские предложения» и вообще проявлять поменьше уступчивости по отношению к СССР. В частности, Буллит определенно высказался против гарантирования Англией и Францией безопасности прибалтийских государств⁵².

5 июля министр иностранных дел Англии Галифакс информировал американского посла в Лондоне Кеннеди о том, что Англия и Франция отказались принять предложение Советского Союза о гарантиях против «косвенной агрессии». В ходе дальнейшей беседы Кеннеди стало ясно, что для правительств Англии и Франции «соглашение с Россией, помимо его психологической ценности, на деле имеет скорее негативный, чем позитивный характер»⁵³. 19 июля Галифакс подтвердил Кеннеди, что Англия не собирается принять советское определение «косвенной агрессии» и что если правительство СССР будет настаивать на своем предложении, то Англия совсем прервет переговоры⁵⁴.

31 июля американский поверенный в делах в Лондоне Джонсон сообщил в Вашингтон о решении английского правительства проводить «более жесткую линию» по отношению к России в течение последующих «критических недель». Английский посол в Москве получил от своего правительства указание потребовать от СССР согласия на принятие англо-французской формулы определения агрессии и не вести переговоры ни по каким другим пунктам⁵⁵. 8 августа Джонсон телеграфировал госдепартаменту, что «Форин оффис не видит никакой надежды на раннее окончание англо-франко-русских переговоров о политическом договоре» и что «военной миссии, которая только что выехала в Москву, было поручено прилагать все усилия к тому, чтобы продлить свои переговоры до 1 октября (!)»⁵⁶. Для того чтобы «убедить» Советский Союз пойти на неравноправный договор с Англией и Францией, миссия должна была использовать следующую, с позволения сказать, «аргументацию»: «В ожидаемой войне Германия, заняв оборонительные позиции на Западе, атакует превосходящими силами Польшу и вероятно опустошит ее в течение одного или двух месяцев. Тогда германские войска окажутся на границах Советского Союза уже вскоре после начала войны. Не исключена возможность, что затем Германия предложит западным державам сепаратный мир на условиях предоставления ей свободы действий в продвижении на Восток. Если Советский Союз не заключит теперь с

⁵¹ FR, 1939, vol. I, p. 265.

⁵² DBFP, vol. V. London, 1952, p. 775—776.

⁵³ FR, 1939, vol. I, p. 282.

⁵⁴ Ibid., p. 286.

⁵⁵ Ibid., p. 292.

⁵⁶ Ibid., p. 294.

Англией и Францией пакт о защите против германского нападения, он рискует остаться изолированным в случае войны»⁵⁷. Такими методами и «доводами», граничащими с шантажом, правительство Чемберлена пыталось вынудить Советский Союз взять на себя обязательства оказать поддержку Англии и Франции в случае их войны с Германией и принять на свои плечи всю тяжесть этой войны, не имея в то же время никаких серьезных гарантий взаимной помощи со стороны западных держав.

Отказ Англии и Франции от немедленного заключения действенной конвенции, предусматривающей определенные военные меры по оказанию взаимной помощи против агрессии, лишил всякого смысла предполагавшийся договор между СССР, Англией и Францией. Непримируемая позиция, занятая Англией, Францией и Польшей и поддержанная правящими кругами США по вопросу о военной помощи Советского Союза Польше, явилась одной из причин провала Московских переговоров. К тому же Англия и Франция, даже «гарантируя» Советскому Союзу свою военную помощь против агрессии в обмен на соответствующую помощь со стороны СССР, обещали предоставить ее в столь ничтожных размерах и обставляли ее такими оговорками насчет косвенной агрессии, которые превращали эту помощь в фикцию и давали им возможность оставить СССР в состоянии изоляции перед лицом агрессора⁵⁸. Прекрасно понимая сущность политики правящих кругов Англии, Франции и США, направленной на провоцирование войны между СССР и Германией, и учитывая неоднократные случаи отказа Англии и Франции от выполнения ими своих договорных обязательств и их предательства по отношению к своим союзникам (например, Чехословакии), советское правительство тем более не могло принять двусмысленные предложения Англии и Франции, дававшие им формально юридические основания для совершения прямого предательства по отношению к СССР.

«Правда такова, что Англия и Франция при поддержке правящих кругов США и в роковой период весны и лета 1939 года, когда война стояла у порога, продолжали прежнюю линию своей политики. Это была политика провокационного натравливания гитлеровской Германии на Советский Союз, прикрываемая для обмана не только фарисейскими фразами о готовности сотрудничать с Советским Союзом, но и кое-какими несложными дипломатическими маневрами, призванными скрыть от общественного мнения народов действительный характер проводимого политического курса»⁵⁹.

В создавшихся условиях перед Советским Союзом стоял выбор: либо принять в целях самообороны сделанное Германией предложение о заключении договора о ненападении, либо отклонить его и тем самым позволить провокаторам войны из лагеря западных держав немедленно втравить СССР в вооруженный конфликт с Германией в совершенно невыгодной обстановке, при условии полной изоляции.

Принятие предложения Германии о заключении договора о ненападении и подписание этого договора 23 августа 1939 г. означало новый провал антисоветской политики правящих кругов США, Англии и Франции. Весь ход событий в августе 1939 г. подтвердил не только правильность сделанного советским правительством шага, но и его крайнюю своевременность.

Об этом свидетельствовало прежде всего то обстоятельство, что, прикрываясь переговорами с Советским Союзом, англо-франко-американская дипломатия в то же время усиленно готовила новый Мюнхен. 30 мая

⁵⁷ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». Ser. D. vol. VII. London, 1956, p. 27.

⁵⁸ См. «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.» — «Международная жизнь», 1959, № 2—3.

⁵⁹ «Фальсификаторы истории» (историческая справка). М., 1951, стр. 36—37.

1939 г. только что прибывший из Берлина советник германского посольства во Франции во время встречи с советником американского посольства в Париже Вильсоном информировал его о том, что Гитлер «определенно решил разделаться с вопросом о Данциге до конца лета»⁶⁰. Это сообщение взволновало Вильсона лишь в одном отношении: как избежать в таком случае выполнения Англией и Францией их обязательств по отношению к Польше. Американский советник обрисовал в связи с этим следующий план возможных действий: «Голосование Данцигского сената за присоединение к рейху, вслед за которым последует вступление польских войск в Данциг; тогда Германия придет на защиту Данцига и объявит войну Польше, веря в то, что Англия и Франция не выполняют своих обязательств помощи Польше на том основании, что Польша совершила акт агрессии (!)». Выслушав Вильсона, германский советник выразил убеждение, что, действительно, при таком развитии событий «Англия и Франция откажутся помочь Польше и Германия будет иметь дело с одной Польшей»⁶¹.

24 июня 1939 г. Вильсон смог уже определенно сообщить Вашингтону относительно подготовки «второго Мюнхена, на этот раз за счет Польши»⁶². Те же самые «влиятельные силы, которые действовали во Франции и Англии в сентябре прошлого года, — писал он, — опять возвращаются к жизни, и они полны решимости снова избежать столкновения с Германией и, если это необходимо, допустить, чтобы с Данцигом произошло то же самое, что и с Судетской областью»⁶³.

Вильсон подробнейшим образом излагал далее мотивы, которыми руководствовались и с помощью которых стремились подготовить общественное мнение к намечавшемуся новому предательству ничего не позабывшие и ничему не научившиеся мюнхенцы. Здесь были и «усталость» от напряженной обстановки и утверждения, что «Данциг не стоит войны», что в случае войны Польше невозможно будет оказать «эффективную военную поддержку» и т. п. Вильсон подчеркивал в своем сообщении, что Англия и Франция, несмотря на длительные переговоры, все еще не предоставили никакой финансовой и военной помощи Польше и не заключили с ней никакого определенного политического соглашения. Главным же расчетом сторонников нового Мюнхена было: «бросить Германии Центральную и Восточную Европу, веря, что в конце концов Германия вступит в конфликт с Советским Союзом»⁶⁴.

В начале августа состоялись тайные переговоры Геринга, Вольфганга Кюрдта и Дирксена с представителями правящих кругов Англии о разделе мира между Британской империей и Германией⁶⁵. Считая, очевидно, что эти переговоры достаточно подготовили почву для англо-германского соглашения, Чемберлен прямо приступил к попытке реализовать ту его часть, которая предусматривала разрыв англо-франко-советских переговоров и выдачу Польши Германии для того, чтобы открыть гитлеровцам широкий доступ к границам СССР.

Разоблачая преступные замыслы английского правительства, газета рабочего класса Англии «Daily Worker» предупреждала 7 августа 1939 г., что Чемберлен снова намеревается разыграть роль «спасителя мира». С этой целью он через владельца ряда английских газет лорда Кэмсли предложил гитлеровцам, повторяя предмюнхенскую игру, умышленно обострить до крайности обстановку в Европе с помощью демонстративной мобилизации своих сил, ультиматумов Польше и т. п. После этого Чемберлен намеревался рекомендовать Польше «проявлять осторожность и уступ-

⁶⁰ FR, 1939, vol. I, p. 191.

⁶¹ Ibid., p. 191—192.

⁶² Ibid., p. 193.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ibid., p. 194.

⁶⁵ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I—II. М., 1948, т. II, стр. 70 и сл.; DBFP. vol. VI. London, 1953, p. 407—410; Appendix, p. 751—761.

чивость». а затем, когда напряжение достигнет высшей точки, выступите с планом созыва конференции пяти держав (Англии, Германии, Франции, Италии и Польши), которая рассмотрела бы лишь один вопрос: как «удовлетворить» германские требования⁶⁶.

Чемберлен хотел при этом воспользоваться поддержкой и услугами США для созыва новой мюнхенской конференции. Обращаясь за помощью в Вашингтон, он заверил американское правительство, что новая конференция должна будет явиться шагом в направлении «восстановления доверия» и «устранения препятствий для международной торговли»⁶⁷. Таким образом, призывая правящие круги США принять участие в новой мюнхенской сделке, Чемберлен обещал за это пойти навстречу их требованиям о предоставлении наиболее богатым и могущественным американским монополиям свободы доступа к рынкам и богатствам обширных районов мира.

Американские профашисты-мюнхенцы готовы были принять участие в новом предательстве. 14 августа в Зальцбург для встречи с министром иностранных дел Германии Риббентропом прибыл глава делегации США на очередную сессию Межпарламентского союза в Осло конгрессмен Гамильтон Фиш. В ходе последовавшей полуторачасовой беседы Риббентроп, не стесняясь, заявил Фишу, что, «если Данциг не будет возвращен и права немецкого меньшинства не будут гарантированы, война разразится в течение 10 дней»⁶⁸. Фиш поспешил заверить Риббентропа, что «американское общественное мнение» не будет возражать против «установления гегемонии Германии над Восточной Европой», гегемонии, которую он охарактеризовал даже как «благоденствие для мира»⁶⁹.

Советско-германский пакт о ненападении (август 1939 г.) положил конец антисоветским проискам американских, английских и французских мюнхенцев. «Мне трудно порицать Россию (за заключение пакта о ненападении с Германией.— *Ю. М.*),— писал в эти дни в своем секретном дневнике министр внутренних дел США Г. Икес.— Как мне представляется, один Чемберлен виновен в этом. Я не испытываю никаких сомнений, что Англия могла бы заключить удовлетворительный договор с Россией в прошлые месяцы или даже годы. Россия была готова совместно с Англией и Францией сражаться за Чехословакию. За то, что Чехословакия была расчленена, ответственна непосредственно и почти целиком Англия»⁷⁰. Разоблачая одного из главных виновников неудачи Московских переговоров 1939 г., Икес, однако, неоправданно суживал круг лиц, ответственных за мюнхенскую политику. Империалисты-мюнхенцы всех «западных демократий» — Англии, Франции и США — вот кто своей политикой отказа от коллективной безопасности, изоляции СССР дал возможность гитлеровской Германии подготовить и развязать войну в Европе в сентябре 1939 г.

Наиболее оголтелые мюнхенцы (Чемберлен, Галифакс, Гендерсон, Бонне, Кеннеди) и после заключения советско-германского пакта о ненападении упорно пытались проводить без какого-либо изменения свою преступную и близорукую политику. Они намеревались добиться полной капитуляции Польши перед Германией, а затем снова начать переговоры с гитлеровцами о разделе мира, с предоставлением им «сферы деятельности» на Востоке. После того, как Чемберлен 23 августа 1939 г. заявил Кеннеди, что он продолжает переговоры с Гитлером и что англичане «не могут спасти поляков», американский посол телеграфировал в Вашингтон:

⁶⁶ Цит. по: «Правда», 19.VIII.1939.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Perpetual War for Perpetual Peace», ed. by H. E. Barnes. Caldwell, 1953, p. 161.

⁶⁹ H. L. Trefousse. Germany and American Neutrality 1939—1941. New York, 1951, p. 44.

⁷⁰ «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. II, p. 703.

«Если президент обдумывает какие-нибудь действия в пользу мира (!), то мне кажется, что воздействовать надо на Бека в Польше»⁷¹.

Зная о нежелании англо-французских мюнхенцев оказывать какую-либо помощь Польше в случае нападения на нее Германии, американские империалисты были целиком согласны с ними в том, что захват Польши гитлеровскими армиями и выход их на государственную границу СССР увеличит шансы на возникновение германо-советской войны. По расчетам американских дипломатов, «предоставленные сами себе поляки почувствуют необходимость заключить соглашение с Гитлером, которое даст затем папистам возможность преследовать свои цели на Востоке... а западному миру... время для перевооружения»⁷².

Однако наиболее дальновидная часть правящих кругов США не могла не отдать себе отчет в том, что подписание советско-германского пакта о ненападении внесло существенное изменение в обстановку в Европе, исключив по крайней мере на ближайшее время возможность столкновения между Германией и СССР. Они пришли к окончательному выводу, что Гитлер не только обманул все «надежды», возлагавшиеся на него до сих пор так называемыми «западными демократиями», но и раскрыл свое полное нежелание считаться с их интересами.

Наученное опытом Дюссельдорфа, американское правительство опасалось также, что подготавливаемое Чемберленом соглашение с гитлеровцами о «мирной» выдаче им Польши и о разделе мира между Германией и Англией неизбежно окажется направленным против интересов США. Вместе с тем оно полагало, что западные державы, не рискуя полной потерей своего престижа и своих позиций в Европе, не могут больше безоговорочно соглашаться на диктуемые Гитлером под угрозой войны условия «германского мира».

Американские империалисты рассчитывали, что формальное объявление Англией и Францией войны Германии из-за Польши явится тем крайним средством воздействия на Гитлера, которое сможет заставить его почитать с их интересами. По расчетам империалистических кругов США Польша должна была послужить исходным пунктом для вовлечения Германии, СССР и других стран в новый мировой конфликт, который принес бы огромные экономические и политические выгоды американским монополиям.

Поэтому правящие круги США в конце августа 1939 г. воздержались от поддержки чемберленовских планов нового англо-германского «примирения». В то же время США ничего не предприняли для оказания действительной помощи Польше и организации противодействия гитлеровской агрессии в Европе.

В ответ на просьбу англичан помочь им заставить поляков принять гитлеровские требования или созвать новую мюнхенскую конференцию президент Рузвельт направил 24 августа 1939 г. послание Гитлеру и президенту Польши Мосьцицкому, в котором предлагал им уладить разногласия между Германией и Польшей либо путем прямых переговоров, либо путем арбитража со стороны представителя и посредника одного из традиционно-нейтральных государств Европы или одной из американских республик, которые все свободны от какой-либо связи или участия в политических делах Европы⁷³. Ответом Гитлера на это «равное» обращение президента США к агрессору и намеченной им жертве явилось нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г.

Одновременно правительство США, стремясь подтолкнуть Англию и Францию к формальному объявлению ими войны Германии, заявило, что оно созывает чрезвычайную сессию конгресса, которая примет новый закон

⁷¹ FR, 1939, vol. I, p. 356.

⁷² W. L. Langer, S. E. Gleason. The Challenge to Isolation, p. 76.

⁷³ «The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt», 1939 volume, p. 445.

«о нейтралитете», позволяющий США оказывать помощь «демократиям»⁷⁴. Это публичное обязательство было подкреплено секретным письмом президента Рузвельта Буллиту, предназначенным для передачи английскому, французскому и польскому правительствам. В письме президента говорилось, что «если Франция и Англия немедленно объявят войну Германии, в случае нацистской атаки на Польшу, они могут рассчитывать на «полную поддержку» со стороны США»⁷⁵.

Важнейшее место в расчетах западных держав, когда Англия и Франция объявляли 3 сентября 1939 г. войну Германии, занимала мысль о том, что таким образом они вынудят Гитлера, захватив Польшу, двинуться дальше на Восток. Империалисты США, Англии и Франции все еще не желали примириться с провалом их антисоветских планов. Однако начало второй мировой войны ярко показало, что противоречия между двумя капиталистическими коалициями оказались в этот момент сильнее противоречий между капиталистической и социалистической системами.

* * *

Таким образом, в решающий период кануна второй мировой войны США отнюдь не стояли «в стороне» от европейских событий, как это пытаются изобразить американские государственные деятели и буржуазные историки. Наоборот, США принимали активное участие в подготовке и развязывании нового мирового конфликта.

Будучи одними из основных участников империалистической борьбы за рынки сбыта, источники сырья и сферы влияния, за мировое господство, США глубоко втянулись и в происходившую накануне второй мировой войны азартную политическую игру капиталистических стран и в развернувшуюся в них гонку вооружений. Уже к началу войны ясно определилась позиция США как непримиримого конкурента и противника германитало-японской группировки и потенциального союзника англо-французского блока. Летом 1939 г. правительство США делало все от него зависящее в экономической, политической и военной областях для укрепления позиций «своего» блока, в котором они желали занять господствующее положение, в противовес союзу агрессивных держав.

Так же, как и правительства Англии и Франции, правящие круги США стремились к тому, чтобы разрешить раздиравшие капиталистический мир противоречия путем организации войны между фашистскими агрессорами и социалистическим государством. «Нейтралитет» США помог гитлеровской Германии подготовить и развязать войну в Европе. Однако, ввиду крайнего обострения империалистических противоречий и благодаря решительным мерам советской дипломатии по обеспечению безопасности в интересах СССР, антисоветские происки правящих кругов США потерпели в 1939 г. полный провал.

⁷⁴ «Правда», 29.VIII.1939.

⁷⁵ С. С. Tansill. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago, 1952, p. 555. Икес следующим образом описывает реакцию Вашингтона вечером 2 сентября на решение правительств Англии и Франции объявить войну Германии: «В течение вечера президенту было передано несколько сообщений, и около 11 часов, прочитав одно из них, он взглянул на нас и сказал: «Война будет объявлена завтра к полудню». Все мы,— пишет Икес,— были удовлетворены этим сообщением... потому что, веря в конечную неизбежность войны, мы думали, что для Англии и Франции будет лучше вступить в нее по возможности скорее. Президент сказал, что до последнего момента Корделл Хэлл... не верил, чтобы Чемберлен не отступил снова». — «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. II, p. 712—713.